

ЛЕНХОЛЬД А. К. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЛЕНХОЛЬД Анатолий Карлович, родился в 1868 в Пензе Саратовской губ. Окончил реальное училище в Сызрани и юнкерское военное училище, полтора года служил офицером в полку; затем — конторщиком товарной конторы на станции Уфа, затем — ревизором службы движения. В 1905 — арестован, позднее был освобожден, продолжил службу на железной дороге; с 1912 — служил лесничим в селе Никито-Ивдел Верхотурского уезда Пермской губ. В начале 1917 — выехал в Тюмень, 27 июня мобилизован в армию, 3 апреля 1918 — демобилизован, позднее мобилизован фуражиром в армию Колчака, в апреле 1919 — освобожден, служил лесничим в Кизеловском горном округе. В августе 1919 — вновь мобилизован в армию Колчака, дошел с ней до Томска. С марта 1920 — работал заведующим лесопильным заводом, с мая — агентом-лесничим "Сибугля", в зимы 1921 — помощником начальника лесных заготовок. С июля 1922 — начальник Конторы службы движения; в ноябре — заведующий коммерческой частью, с января 1923 — начальник Службы сборов. Позднее переехал в Калугу, работал таксатором на железной дороге; в 1928 — лишен избирательных прав. В августе 1929 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<16 августа 1929>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Приношу глубочайшие извинения, что беспокою Вас своей просьбой, но слыша, что Вы на все обращаемые к Вам просьбы всегда отзывчивы и делаете все возможное, я позволяю себе утруждать Вас своим делом.

Дело мое хотя прямо не политическое, но все же я являюсь страдающим из-за политики.

Из прилагаемого к сему в копии поданного мною во ВЦИК заявления Вы усмотрите мою нужду. В этом заявлении я коротко изложил суть дела, здесь же нахожу необходимым ознакомить Вас с подробностями моей жизни и службы.

Отец мой был железнодорожный служащий (начальник станций: "Носовка" — Курско-Киевской ж<елезной> д<ороги>, "Салтыковка" — Тамбовско-Саратовской ж<елезной> д<ороги> и "Титово" — Моршанско-Сызранской ж<елезной> д<ороги>).

Отца я лишился в детском возрасте и до 14 л<ет> жил и учился на средства деда по матери — уездного врача Городищенского уезда Пензенской губ<ернии> А. П. Беляева. Когда мне было 14 лет, дед умер, и я заканчивал образование в Сызранском реальном училище на средства, собираемые всеми моими малоимущими родными.

По окончании реального училища, я поступил в полк и затем в юнкерское училище из расчета, что здесь я могу получить высшее военное образование на казенный счет. Когда я окончил курс в училище и начал службу в полку офицером, то сразу же почувствовал, что эта среда не по мне. У меня хватило сил прослужить офицером только 1½ года. Оставив военную службу и не имея материальной возможности продолжать образование по какой-либо специальности, я поступил на Самаро-Златоустовскую ж<елезную> д<орогу> конторщиком товарной конторы ст<анции> Уфа на 18 руб<лей> жалованья. За 23 года службы на железных дорогах я дошел до должности ревизора Службы движения исключительно благодаря своей работе, так как никаких "связей" у меня не было.

В 1905 году, когда по всем железным дорогам прокатилась волна забастовок на политической почве, жандармская полиция привлекла меня к ответственности и только благодаря счастливому стечению обстоятельств я спасся сам и спас многих от ссылки, но все же это мне даром не прошло: с этого времени моя фамилия в жандармских книгах писалась красными чернилами (политически неблагонадежный), а негласно жандармерия, через администрацию, делала мою службу с каждым днем все труднее и труднее.

Так продолжалось до 1912 года, когда я оставил службу на железных дорогах, подготовился, сдал экзамен и поступил лесничим в Пермскую губернию. При назначении меня в лесничество, жандармерия и тут не оставила меня своим вниманием, и начальнику Пермского Управления земледелия и государственных имуществ Дубенскому было предложено назначить меня в Лозьвинское лесничество с жительством в селе Никито-Ивдел, Верхотурского уезда. Таким образом, хотя я и занял должность лесничего, но в смысле жизни — был отправлен в ссылку, так как село Никито-Ивдел — последний населенный пункт, до которого доходит конная дорога; далее идет сплошная тайга, по которой разбросаны вогульские юрты; зимой вогулы ездят на оленях, а летом — только на лодках по рекам.

В этой, своего рода ссылке я пробыл с 1913 года до революции. Когда революция сняла с меня произвол жандармерии, я заявил Управлению лесами, что дальше не могу сидеть там и просил о переводе в другое лесничество. Сдав лесничество, я поехал водным путем в Пермь, но, по приезде в Тюмень, 27 июня 1917 г<ода> был захвачен мобилизацией по распоряжению Керенского, и таким образом моя служба по лесному ведомству была прервана.

После Октябрьской Революции я служил на военной службе до 3 апреля 1918 года, когда был демобилизован.

Как я указываю в своем ходатайстве пред ВЦИК'ом, я, как при мобилизации 1917 года, так и при мобилизации отрядом Вержбицкого в белую армию, был признан негодным для строевой службы и зачислили "куда-нибудь". Что же в действительности сделали со мной белые? Они превратили меня — работника интеллигентного труда, старого человека (50 лет) — в фуражира батареи. Более полугода я доказывал и просил освободить меня, как неправильно взятого, и только в апреле 1919 года меня освободили.

Когда я устроился в Кизеловский Горный Округ по своей специальности — лесному делу, белые опять, при своем уходе в августе мес<яце> 1919 г<ода>, снимают меня, заставляют бросить все имущество (разрешено было взять по 1 пуду на человека) и такого ободранного, нищего, завозят в Сибирь (в Томскую губ<ернию>) и там бросают на произвол судьбы...

В таком ужасном положении, с больной женой и детьми, без всяких средств, в чужой стороне, я пробыл без места до марта 1920 года.

Когда место моего жительства было занято 5-й Красной Армией (в январе 1920 г<ода>), я, как белый офицер, явился в одну из походных комендатур и предъявил свои воинские документы; там, рассмотрев документы, не признали "офицером" конюха и отпустили меня, как и всех нижних чинов (офицеров отправляли в концентрационный лагерь).

В марте 1920 г<ода> я поступил заведующим лесопильным заводом Суджанских Каменноугольных копей, но на этой должности пробыл только до мая. В мае месяце Правление Каменноугольными копиями "Сибуголь", признав, что человека с такими знаниями и стажем нельзя держать на таком малом деле, — назначило меня агентом-лесничим "Сибугля", возложив на меня приемку лесных материалов для копей и

транспортировку на участки Сибирской дороги от ст<анции> Тайга до ст<анции> Тайшет (800 верст) и заведование Енисейским местным Лесным п<од>отделом. К зиме 1920-21 года работа эта была успешно проведена, местный п<од>отдел закрыт, и я получил назначение на должность помощника начальника лесных заготовок Кальчугинских копей с заведованием Тырганским лесозаготовительным районом. Это дело я также провел с большим успехом: из всего лесозаготовительного аппарата Кузнецкого бассейна — Тырганский участок по успешности работ все время был первым.

В 1922 году, с целью получить возможность вернуться в Европейскую часть СССР, я перешел на службу на Кальчугинскую ж<елезную> д<орогу>; здесь в июле мес<яце> занял должность начальника Конторы Службы Движения; в Ноябре, когда пришлось формировать коммерческий отдел — Заведующего Коммерческой частью, а когда в январе 1923 года Сибирский округ Путей Сообщения предложил дорогам самим организовать Службы Сборов — мне было поручено это. Несмотря на всю тяжесть этого дела, так как совершенно не было хотя бы немного знакомых с коммерческой работой, я с успехом провел это дело и к августу 1923 года Служба сборов Кальчугинской новостройки не только работала безукоризненно, но даже подогнали те "залежи", которые образовались в силу этой реорганизации.

Переехав из Сибири в Калугу (где мои родные и где, в случае моей смерти, семья моя не останется без поддержки), я опять служил на Советской службе, последние 2 года — таксатором на Сызр<анско>-Вяземской ж<елезной> д<ороге>, где тоже за свою добросовестную работу имел благодарности от дороги.

И вот теперь вдруг я, при таком-то прошлом, признан местной Избирательной комиссией заслуживающим лишения избирательных прав. За что же именно? На этот вопрос — ответа так и не получил...

Изложив Вам, может быть, излишне подробно, всю свою жизнь, убедительно прошу Вас оказать содействие к тому, чтобы, при рассмотрении во ВЦИК моего ходатайства, отнеслись к нему не так как в Губ<ернском> избир<ательном> ком<итет>е, где не пожелали рассмотреть дело по существу, а просто отмахнулись как от назойливой мухи, и меня, — разоренного, обобранного, завезенного и брошенного в Сибири белыми, — причислили к их сторонникам и лишают прав за то, что надо мной же наглумились другие.

Примите уверение в совершенном моем к Вам уважении.

А. Ленхольд.

16 августа 1929 г<ода>.

Приложение: на 3^х листах.

Адрес мой: г<ород> Калуга, просп<ект> Мировой Коммуны, д<ом> № 6, Анатолию Карловичу Ленхольду¹.

В начале 1930-х — работал техническим руководителем слесарной мастерской артели инвалидов. Весной 1933 — арестован, 20 февраля приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в лагерь².

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 324. С. 44-46. Автограф.

² Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.